

Начну с воспоминания. Как-то мы говорили с Валентином Распутиным о проблеме, для любого литератора насущной, — о взаимоотношениях между писателем и читателем. И он заметил:

— У нас могучий читатель, у нас читатель великий. Это та сила, без которой литература, как бы хорошо мы ни писали, существовать попросту не сможет. Но здесь-то, мне кажется, и кроется определенная опасность. Мы живем в сложное и очень интересное время, мы живем в век больших скоростей. Нам хочется поспеть за временем, и мы все делаем для того, чтобы шагать с ним в ногу. И все же нам его катастрофически не хватает. Мы уже иностранные языки учим во сне, а от инфарктов спасаемся бегом, мы читаем книги каким-то ускоренным способом, и нам кажется нормальным, когда мы за час прочитываем сотни страниц текста, в том числе и художественного. Но ведь это равнозначно тому, как если бы, летя в самолете, мы любовались тайгой и утверждали бы при этом, что ощущаем ее запахи и слышим ее звуки.

В книге, как в айсберге, девять десятых скрыто внутри, в ней существует подтекст. Понять, почувствовать его, читая по диагонали, человек про-

сто не в состоянии. Нельзя, например, просмотреть «Братьев Карамазовых» или «Анну Каренину». Всякий раз меня поражает, как много народу читает в автобусах и троллейбусах, в трамваях и метро. Это не чтение, а просмотривание событийного ряда книги, это не сопереживание, а любопытство.

И вот, учитывая ритм жизни человека, потребность в чтении вообще, мнится мне, что литература в какой-то мере начинает подлаживаться под чита-

ния. Тогда читатель, каким бы занятым человеком он ни был, найдет все же время для чтения в одиночестве, в тишине, не останется спокойным к книге, откликнется на написанное всем сердцем.

...Каждый раз, когда остаешься наедине с книгой Валентина Распутина, неизменно подпадаешь под пленительную власть неторопливого течения его прозы. Окунувшись в незамутненную чистоту и свежесть русского языка, ко-

ференций, типа: «Для чего вы пишете?», «Как вы относитесь к поэзии?», «Где вы родились?», «Что вы будете писать в дальнейшем?» и т. д.

Но есть и другие, характер их обусловлен личностью именно этого художника и кругом тех проблем, которые находятся в сфере его творческого внимания.

И вот недавно, встретившись с Валентином Распутиным, я попросила отобрать из числа адресованных ему записок те, что показались наиболее интересными, и ответить их авторам через газету.

данность в том, например (я позволю себе это рабочее сравнение), что люди, собравшись молотить зерно, взяли и намолотили его без восторгов по этому поводу и лишним приключений, сделали то, что и собирались сделать?!

— Какой источник питает вас как писателя?

— Их, как у всякого писателя, несколько: жизнь вокруг нас, книги, великий русский язык, собственная душа и так далее. Во всем этом легко растеряться и затеряться, оказаться подавленным и сбитым с толку могуществом каждого источника в отдельности. Вы-

ДИАЛОГ: ЧИТАТЕЛЬ — ПИСАТЕЛЬ

Валентин
РАСПУТИН:

теля. Все больше появляется книг, удобных для дорожного чтения. А между тем, таковое мое убеждение, писатель не то что не должен, он просто не имеет права подстраиваться ни под читателя, ни под его скорости. Писатель должен уметь почувствовать то, что особенно заботит и тревожит людей, нащупать, если так можно выразиться, «болевые» точки читателя, которые существуют и требуют выражения, разреше-

торым писатель ведет свой разговор с читателем, прикоснувшись к высшей мудрости Анны («Последний срок»), пережив трагедию Настены («Живи и помни»), задумавшись над судьбой ухрядшей в небытие старой деревни («Прощание с Матерой»), вслед за автором начинаешь и ты мучиться «вечными» вопросами, с необычайной ясностью вдруг понимая, что каждый из нас ответствен перед жизнью вообще, ответствен за будущее.

В книгах Валентина Распутина очень много вопросов и гораздо менее ответов — писатель приглашает к совместному их поиску: «Можно, конечно, и не задаваться этими вопросами, а жить, как живется, и плыть, как плывется, да ведь на том замешен: знать, что почем и что для чего... На то ты и человек».

Валентин Распутин не раз участвовал в конференциях читателей, посвященных его творчеству. На последних встречах с ним я записала около восьмидесяти вопросов, адресованных писателю из зала. Среди них немало повторяющихся, таких, на которые писатель уже неоднократно отвечал, в том числе и в «Литературной газете». Есть вопросы традиционные, знакомые любому писателю, участнику читательских кон-

— У Виктора Астафьева в его произведениях много автобиографичного. Каково соотношение автобиографизма и вымысла у вас?

— Прямого автобиографизма, как такового, очень немного. Пожалуй, только в рассказе «Уроки французского». Но я думаю, о чем бы ни говорил писатель, каких бы героев — положительных или отрицательных в общепринятом смысле — ни выводил, он во многом наполняет их своей жизнью, своими чувствами и своим опытом, то есть разыгрывает свою модель применительно к другому характеру и другим обстоятельствам. Отстраненность и бережливость автора в таких случаях всегда заметны: герой его или ходулен, или похож на манекен, выполняющий примитивную задачу.

Вымысла в моих повестях тоже очень немного. Начиная работу, я, как правило, исхожу из действительной обстановки, действительных характеров и действительного положения вещей. Они и подсказывают мне тот круг действия, в котором могут разворачиваться внешние события, всякий раз почти единственные, без особых вариантов, в выборе которых я волен очень мало. Насколько это вымысел? Вымысел подразумевает неожиданность, даже некоторую случайность, авторскую волю, а какая же неочи-

ручает в таких случаях та скромная и посильная задача, которую ставишь перед собой, начиная работу... Помогают люди, согласившиеся пойти за тобой, как в темный лес, в книгу, чтобы сказать слово, которое нашло бы отклик...

Я сознательно говорю «людьми», а не «герои», потому что от того, как ты с самого начала смотришь на них, зависят и общее отношение к ним, мера ответственности за них, степень их жизнедеятельности и естественности, согласия с твоими взглядами.

Говоря об источниках, нужно, очевидно, сказать и об организующем их в одно целое, позволяющем выделять из них основное, — начале. Это твоя собственная, никаким расхожим канонам не подвластная, жизненная философия, та правда, которую ты из многих и многих выстрадал как главную. Без нее писателя не существует. Она, как ничто другое, помогает тебе зримо представить место и суть нашего теперешнего времени в общем ряду времен и отыскать в огромном скоплении случайностей нашего быта основное их направление.

— Чувствуете ли вы силу взяться за роман? Есть ли такое намерение?

— Думаю, что повести мои близки к роману, если не принимать в расчет их недостаточные весовые и объемные дан-

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН:
«ПИСАТЕЛЬ ДОЛЖЕН УМЕТЬ
ПОЧУВСТВОВАТЬ ТО, ЧТО
ОСОБЕННО ЗАБОТИТ И ТРЕ-
ВОЖИТ ЛЮДЕЙ...»

2207

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
МОСКВА

26 МАЯ 1980

е. Дело, разумеется, не в нравовом обозначении, а в сути, в том, насколько жизнь присутствует или отсутствует в повести или романе, и с какой целью, с какими уроками и с каким голосом она там присутствует.

Жанр повести я избираю и потому еще, что он позволяет мне доводить эмоциональное напряжение материала до тех пределов, до каких это возможно, чтобы не случилось опасного для меня как для автора обрыва, когда читатель теряет интерес к книге...

— Кем бы вы хотели быть, если бы не были писателем?

присутствующих и результаты работы, довольствуясь скромной ролью экзаменатора, составляющего за эти результаты неуверенные оценки: хорошо, но... не очень хорошо, но... плохо, но хорошо... и так далее. Подобные оговорки способны ввести в заблуждение кого угодно. И хотя мне чаще всего выставляются достаточные высокие баллы, быть уверенным, что это искреннее и непредубежденное мнение критика, я не могу.

— Что вы читаете сегодня?

— Читаю «Историю России» С. М. Соловьева. Рад порекомендовать ее всем для

покуда разберешься, что тебя обобрали и опозорили.

Не умно-рассудочные, а умно-добрые, искренние и честные книги способствуют нравственности. Впрочем, ответ на этот вопрос давно уже дан Достоевским, который писал: «Я всегда верил в силу гуманного, эстетически выраженного впечатления. Впечатления мало-помалу накапливаются, пробивают с развитием сердечную кору, проникают в самое сердце, в самую суть и формируют человека. А сформированному погуманнее человеку получше привьются и всякие специальности».

Уверен, что «деревенская проза», как она есть сейчас, в такой литературе, как российская, с ее традиционной человечностью, болью и совестью, не могла в наше зрелое не появиться и не выйти вперед. Пожалуй, не писатели создавали эту прозу, а литература, как процесс живой и объективный, волей своей подбирала писателей для этой прозы, необходимость и важность которой была предопределена течением, а в данном случае даже не течением, а ускорением жизни. То, что вековой уклад деревни оказался полностью нарушенным и вместе с ним оказался

той лишь мере, если эти упреки адресовать всей нашей литературе. Ничего тут страшного нет. Литература — не паровоз, обязанный двигаться строго по расписанию. Для того, чтобы сделать качественное, а не просто физическое движение вперед, необходимы наполнение этим качеством, правильная социальная и нравственная ориентация, и именно потому, что литература — не паровоз и не электровоз, она и не пойдет, надо полагать, по подставленным удобным и легким путям, а изберет, как это всегда было, свое направление. Этим она сейчас, я думаю, и занята. Но даже и в подобном, замедлившемся, движении «деревенская проза» отнюдь не сошла куда-то на запятки, а продолжает оставаться впереди. Доказательство тому — романы Василия Белова «Кануны» и Федора Абрамова «Дом».

— Каким вам представляется будущее?

— Я верю, что наступит такое время, и оно не за горами, когда люди вынуждены будут согласиться, что безоглядный и безудержный технический прогресс не служит человеку и что он не есть прогресс. Тогда, собравшись лучшими умами, люди решат, что полезно из созданного нами и ими и что вредно, и ненужное уничтожат. Вглядевшись внимательно друг в друга, они найдут такую работу рукам, ногам и головам, которая наилучшим образом будет способствовать физическому и духовному совершенствованию человека.

Верю, что русские останутся русскими, татары татарами, а французы французами, что, будучи интернационалистами, мы сохраним в себе национальные начала и что и через сто лет станем ходить на поклонение к полю Куликову и Бородинскому полю, к Пушкину, Достоевскому, к Шевченко и Руставели...

— В чем вы видите конечный результат писательского труда?

— Хотя в малой степени способствовать правильному строительству человеческой души... Прежде всего воспитания чувств.

Записала
В. ПОМАЗНЕВА

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ

— Лесником. Прекрасная профессия, чистая, добрая и радостная, одна из тех, совсем ныне редких, где все от начала и до конца полезно и оправданно, все служит человеку и красоте окружающего его мира, нравственному и физическому здоровью не только нас с вами, но и наших детей и внуков.

А замечали ли вы, как сильно отличаются друг от друга характеры лесоруба и лесника? То, что профессия откладывает отпечаток на характер человека, доказывать, наверное, нет необходимости. Задумывались ли вы над тем, почему это происходит, почему один зачастую груб и жесток, а второй почти всегда мягок, добр и доверчив? О, тут есть над чем подумать, тут, не выходя из лесу, можно целую философию построить — и какая это будет интересная философия!

— Как складываются ваши взаимоотношения с критикой? Оказывает ли литературная критика какое-то влияние на вашу работу?

— Особенного влияния на мою работу литературная критика не оказывает. Пожалуй, к сорока с лишним своим годам я сам достаточно четко представляю, чего мне, как писателю, не хватает и что у меня есть. К сожалению, наша критика нередко, как на собрании, объявляет лишь

ежедневного и полезного чтения, да знаю, как трудно ее где-либо взять. Переизданная в советское время двадцать лет назад, она давно превратилась в величайшую редкость и ценность. Еще труднее сыскать ныне знаменитую «Историю государства Российского» знаменитого Н. М. Карамзина. Не парадокс ли, самый что ни на есть грустный, и не стыд ли, что мы довольно просто можем купить историю Гвинеи или историю Древнего Рима и лишены возможности знать признанные и лучшие образцы своей отечественной историографии?

— В одном из газетных выступлений вы говорили, что назначение литературы — служить нравственному воспитанию человека. Значит, чтение и нравственность взаимосвязаны? Прочитаешь какое-то количество умных книг, и нравственное чувство станет более глубоким, тонким?

— Нет, не значит. Умные, но холодные книги и холодное образование делают безнравственность более образованной и изощренной — и только. Разница вся в том, что безнравственность без диплома обернет тебя, в чем был, обматерит да еще и фигу на дорожку покажет, а с дипломом — обернет, в чем был и что дома оставил, да добьется того, что ты же ей и спасибо скажешь,

— В своем творчестве вы неустанно проводите мысль о важности понимания каждым человеком опыта предшествующих поколений. То есть в своей ответственности за настоящее мы должны опираться на прошлое. Это дает основание некоторым критикам делать заключение, будто вы ратуете за возвращение к старым традициям. Можно ли считать верным такой вывод?

— Не совсем. Вернуться к тому, что уже утеряно, нельзя. Это не самолет в воздухе развернуть, чтобы вернуться за забытым багажом, а мы и на это при нашей практичности и занятости неспособны. Представьте себе такую ситуацию: лечу я из Иркутска в Москву, и вдруг на половине пути выясняется, что все мы, пассажиры так называемого авиалайнера, оставили в Иркутске нечто, без чего поездка каждого из нас окажется не только бесполезной, но и принесет нам немалый вред. Вернемся ли мы за этим «нечто»? Нет, не вернемся. Мы и психологию свою подчинили тому, что для нас важна устремленность вперед, и только вперед.

Не стоит обольщаться — нам уже не вернуть многие добрые старые традиции. Теперь речь идет о том, чтобы сохранить оставшиеся, не отказываться от них с той же легкостью и бесшабашностью, как это было до недавних пор.

нарушенным и ее моральный климат (а деревня издавна была хранительницей моральных устоев народа), не могло, разумеется, не отразиться в литературе, которая всегда очень чутко улавливает подобные изменения. Это не противопоставление города деревне и не попытки сохранить старую, отжившую свое деревню, как слишком грубо и упрощенно толкует иной раз «деревенскую прозу» критика, — суть, очевидно, в другом: когда у города был столь надежный нравственный тыл, как деревня, легче было существовать и ему, городу. Писатели этого направления решают не сторонние и не какие-то узкие, областнические, а общечеловеческие проблемы, важные как для города, так и для деревни, как для пожилых людей, так и для молодых, — проблемы не надуманные и не конъюнктурные, а исходящие из необходимости искать причинные связи многих нынешних социальных явлений. Другими словами — «деревенская» литература оказалась способной точно находить нервные окончания на том огромном теле, который мы называем «народ».

Раздающиеся в последнее время все чаще упреки — мол, «деревенская проза» отстает от требований жизни и топчется на месте — можно принять в